

В этом году мой сын Борис перешёл в одиннадцатый класс. На лето ему задали читать список литературы, читает он вслух, а я слушаю. Он уже одолел рассказы Виктора Петровича Астафьева «Царь-рыба», «Где-то гремит война», Ивана Алексеевича Бунина «Господин из Сан-Франциско». Когда он озвучивал «Один день Ивана Денисовича» Александра Исаевича Солженицына, я как раз просматривала «Новый Енисейский литератор» № 58 и заострила своё внимание на рассказе Ивана Филипповича Михайлеца «Ночная запись».

После прочитанных мною слов о том, как герою Ивана Михайлеца, возвращавшемуся поздно вечером домой, не ощущавшему пространства, которого штормило, в левой части его груди периодически сдавливала боль, стало «дурно от сердечного участия» фармацевта и он «встал, шатаясь, опираясь на палочку, вышел из аптеки», моё сердце сжалось так же, как тогда, когда мой сын читал о том, как герой Александра Солженицына, преодолевая болезнь, шёл на работу в морозное утро на целый день. У героя Михайлеца болела поясница, не слушались ноги, его трясло то ли от боли, то ли от холода. Иван Денисович тоже был болен, плохо себя чувствовал, у него была температура, его знобило и ломало. Посещение аптеки героем Михайлеца напомнило мне посещение медбарака Иваном Денисовичем. Нелестный приём был в аптеке, и в медбараке Вдовушкин, арестованный студентом и тайно пишущий стихи, также ничем не помог больному: «Тёплый зяблого разве когда поймёт?»

На долю обоих героев выпало немало страданий в жизни. «Считается по делу, что Шухов за измену родине сел. И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, желая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое ж задание — ни Шухов не мог придумать, ни следователь». Герой Михайлеца вспоминает, что в своей жизни кем только не приходилось быть: и нищим, и бомжем, и алкоголиком, камни в него кидали, собаками травили, но он всегда предпочитал оставаться человеком.

Больше всего меня тронула реакция героя Михайлеца на грубый приём в аптеке: он не озлобился, не огрызнулся, а «собрав волю в кулак», ничего не ответил на грубость, уполз, «как подбитая собака». Он поступил, как завещал Христос в Нагорной проповеди: «Не противиться злему, а кто ударит тебя в правую щёку, обрати к нему и другую». И Иван Денисович Шухов тоже всему рад, что он везде успел и перемогся в болезни. «Слава тебе Господи, ещё один день прошёл! И не заболел, перемогся. Прошёл день, ничем не омрачённый, почти счастливый».

Герой Ивана Филипповича только корил себя за свои долгие походы по людям с литературой, чтобы они «не повторяли ошибок, которые были в жизни других людей. Почему человек учится на своих ошибках?». Наш герой готов отдать душевную боль людям, чтобы они стали чуть-чуть лучше. У Солженицына Алёшка-баптист, у которого глаза теплятся, как две свечки, читал Евангелие вдыхание: «А если ты страдаешь как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь». Иван Денисович слушал его и жалел: Богу молился, кому он мешал, осудили на двадцать пять лет. Словами Алёшки-баптиста Солженицын говорит: «Что высоко у людей, то мерзость перед Богом! Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накипь злую снимал... Радуйся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать...» Алёшка миссионерствовал, как герой «Ночной записи», нёс людям вечные истины.

Героя Михайлеца дома на пороге встречает встревоженная жена, которая не знала, куда бежать, чтобы найти запоздавшего мужа. Герою приятно её ожидание, человеческое участие, что он кому-то нужен. И Шухов вспоминает свою жену, которая ждёт и «надежду таит, что вернётся Иван и тоже в колхоз ни ногой, и тоже красилём станет».

Герой Михайлеца, живя в городе, никогда не видел звёзд на небе. Устыдился он своей слепоты. В философском плане звёзды — это что-то Высшее. У Солженицына, когда Шухов вспомнил поговорку, что «старый месяц Бог на звёзды крошит», капитан в ответ стал смеяться: «Так ты что ж, в Бога веришь, Шухов?» Шухов искренне удивился: «А то? Как громыхнёт — пойдя не поверь!»

Возвращаясь к началу моего рассказа и вспоминая «Господина из Сан-Франциско», утратившего духовные ценности, невольно задумываешься о сущности бытия человека.

Открытым текстом говорит об этом В. П. Астафьев в повести «Где-то гремит война»: «Со мной произошло то, что происходило со многими чадонами прежде и теперь, в крайнюю минуту они вспоминали Спасителя, хотя во здравии и благополучии лаяли Его. На фронте не раз мне доведётся увидеть и услышать, как неверующие люди в смертный миг вспомнят о Боге да о матери, а больше ни о чём».

Герой Михайлеца сетует: «Очень плохо, когда человек не имеет своего взгляда, своего мнения в жизни, он имеет чёрствую душонку». Об этих вечных вопросах писали и пишут многие наши писатели. Кто имеет уши слышать, да слышит!